

виндт красив, талантлив, умен. Другой на моем месте убил бы его из зависти. А я якобы обожаю. И между прочим, он этому охотно верит. То есть ко всем прелестям он еще и наивный. Достаточно увидеть его на сцене, чтобы сразу понять — ой, какой наивный!

Его наивность объяснима. Александр Анатольевич через всю книгу регулярно восхищается: «Актеры — ведь это дети!» У него как бы рефрен такой. То ли наш милый рамоли уже и впрямь впал в детство. То ли не понимает, что он среди этих «детей» выглядит явным переростком. Дело в том, что Александр Анатольевич — один из самых умных артистов,

Другой «моментально лезет под кровать, достает одну из ветхих папок, которыми набит весь его кабинет, и извлекает из нее документальные подтверждения своих воспоминаний». Я давно и неплохо знаю и того, и другого, и надо сказать, что результат их совместности превзошел все мои предвзвешения.

Но вместе с тем, дочитав до конца книгу, я вздохнул: «И это все о нем?». Мне многого в ней о нем не хватало.

Ширвиндт действительно невыносимо популярный артист. То есть сразу во втором месте после Михаила Державина. И вместе с тем широкие трудящиеся массы весьма заб-

хрупкая жизнь, ненадежная. Он просто изводит себя этим.

Шура ведь действительно добрый человек. Причем непрерывно публичный, публично громогласный, добрые поступки он совершает как бы тишком, тайком. Об этом мне говорили самые разные люди. Да и сам я могу привести тому примеры. Кстати, Шура даже не подозревает, что я о них знаю.

С ним интересно быть вдвоем. В этих «интимках» он неизменно грызет себя и почти без иронии, его извечной самозащиты, бережно говорит о друзьях, о нашей с ним затерявшейся где-то в веках молодос-

Про Ширвиндта

Кукса — 1994 — 25 июня (№ 24) — с. 12

Поскольку любимейшее занятие Александра Анатольевича Ширвиндта «антиюбилей», а придумал само понятие Борис Михайлович Поюровский, то и назовем рецензию на их совместную книгу «Былое без дум», только что выпущенную издательством «Центрполиграф», в которой они якобы между собой переписываются, антирецензией. Чтобы им было понятнее.

Тем более, чего тут так уж рецензировать? Книга посвящена Александру Ширвиндту. И из нее с огромной силой яствует, что персонаж соавторам нравится. Особенно Ширвиндту. Но, конечно, гораздо меньше, чем Поюровскому. Поюровскому Ширвиндт нравится еще больше, чем Ширвиндту.

И я их понимаю. Конечно, Шуру Ширвиндта очень легко ненавидеть. Правда, еще легче его любить. Но уж совсем просто его обожать, на чем лично себя систематически ловлю. О чем это говорит? Это говорит о том, что я — замечательный человек. Давайте посмотрим правде в глаза: Шир-

которых мне доводилось знать. И ироничность вовсе не подменяет ему ум. Тем более что ироничен он вовсе не только ко всем остальным. «Чего я только не сыграл в Театре сатиры!» — умиляется Ширвиндт. И перечисляет роли, которые он не сыграл в Театре сатиры, — Кречинского, Ставрогина, Остапа Бендера... Что ж, нам остается только об этом горевать. Вместе с Ширвиндтом.

В этой книге есть один момент, который в жизни вам за Ширвиндтом не подглядеть, вернее, не подслушать. Он говорит о любви! Прочитайте, скажем, главку об Эльдаре Рязанове, и вам откроется влюбленный Ширвиндт. В стиле: «Что такое народ, никто толком не знает, но я знаю, что народ Рязанова любит». В устах сдержанного в этом вопросе Шуры это звучит примерно «как соловей о розе».

Вообще-то, сочетание авторов книги — Александр Ширвиндт и Борис Поюровский — беспримерно. Один уверяет, что биографию надо писать задом наперед, что и делает.

луждаются на его счет. Нароботанный и тщательно поддерживаемый Ширвиндтом сценический имидж довольно-таки не совпадает с тем Шурой, которого я давно знаю в жизни. Ведь в чем его имидж — холеный, невозмутимый барин, отпетый эгоист, снисходителен к до наплевательства к людям.

В жизни — это небритое существо, которое вскрикивает при малейших шероховатостях судьбы. Он ярко выраженный невропат, который вконец заправил и семью, и себя, руководя воспитанием внучатого поколения: «В семье, как ты понимаешь, — травливает он меня в заговор, — их воспитывают не так. А как надо, знаю только я». Он много орет на близких. Но это не барство, а рабство. Это рабская влюбленность в них, холопская готовность ради них на все. Он орет, чтобы все думали, что он — глава семьи. А может, просто криками отпугивает от семьи предполагаемых врагов. Цитата из нашего разговора: «Понимаешь, у дорогих мне людей складывается какая-то

ти. Он очень дорожит близкими друзьями, он их воистину любит. Он изводит себя тем, что они стали уходить навсегда. Причем изводит себя так, словно именно он в том виноват. Я никогда не забуду лица Шуры на похоронах Андрея Миронова. У Шуры было белое лицо. Он не узнавал окружающих, он отрешенно натянулся на них.

Вот этого Ширвиндта я, к сожалению, в книге не нашел. Впрочем, писать о том, чего в книге нет, — это, конечно, не рецензия, а как я вас и предупредил, антирецензия.

Обычно, чтобы похвалить книгу, говорят, что читали ее, не отрываясь, всю ночь до самого утра. Со мной ничего такого не произошло. Потому что читал я эту книгу не ночью, а днем. И не до утра, а до вечера. И пока не дочитал, не лег спать.

Эдуард ГРАФОВ.

● Фронтистис книги.
Рисунок Константина Кукса.

*Ширвиндт Александр
Анатольевич*

25.06.94